

УДК 81'276:1
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.19

О. С. Иссерс О. S. Issers
Д. А. Ганеева D. A. Ganeeva
Омск, Россия Omsk, Russia

**«НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО» В КОНТЕКСТЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ДИАЛОГ, ОППОЗИЦИЯ,
КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС**

**“NEW RUSSIAN WORD” IN THE CONTEXT
OF POLITICAL DISCOURSE:
DIALOGUE, OPPOSITION,
CREATIVE CLASS**

Аннотация. Статья посвящена анализу современного дискурса о гражданском обществе в России. Рассматриваются «ключевые слова текущего момента»: **диалог, оппозиция, креативный класс**. Автор приходит к выводу, что выбор номинации и обсуждение этого выбора являются показателями конкурирующих интерпретаций, или «борьбы дискурсов».

Abstract. The article focuses on discourse analysis of the modern Russian civic society. “Key words of the current moment”: **dialogue, opposition, creative class** are discussed. The author concludes that the choice of nomination and its discussion are the indicators of interpretation competition or “the fight of discourses”.

Ключевые слова: гражданское общество; дискурс-анализ; политическая лингвистика; номинация.

Key words: civic society; discourse analysis; political linguistics; nomination.

Сведения об авторе: Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

About the author: Issers Oxana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Dean of The Department of Philology and Media, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: isserso@mail.ru.

Сведения об авторе: Ганеева Динара Анваровна, магистрант факультета филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Ganeeva Dinara Anvarovna, Master Student of the Faculty of Philology and Mediacommunication.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Place of employment: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Контактная информация: Контактная информация: 644077, г. Омск, пр-т Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: filfak@omsu.ru.

На фоне кардинальных изменений в экономической и социально-политической жизни общества человек является не только «главным действующим лицом» в языке, но и активно рефлексирующим субъектом. Усиливается его лингвокреативная деятельность и метаязыковая рефлексия по поводу употребляемых языковых единиц, происходит поиск наиболее точного слова, выражения, которые нередко становятся маркерами идеологической позиции, социальных ролей и статусов [Вепрева 2002; Карасик 2002; Шмелева 2009 и др.]. Это, в свою очередь, влияет на модификацию функционирующих в языке значений, формирование ключевых смыслов, определяющих зоны пристального общественного внимания.

Изучение когнитивных и коммуникационных процессов в различных социокультур-

ных и политических средах немыслимо без учета «человека говорящего» во всей совокупности его личностных и социальных характеристик. В связи с этим интерес представляют современные дискурсивные практики, которые в явной форме обнаруживают так называемую «борьбу дискурсов» (термин Н. Фэркло). Она проявляется в том, что определенный дискурс всегда находится в конфликте с другими дискурсами, претендующими на то, чтобы по-иному описывать реальность и устанавливать другие принципы социальной практики. Там, где сталкиваются дискурсы, могут возникать «конфликты интересов», вплоть до антагонизма. Как правило, они разрешаются через «артикуляцию с помощью силы»: один дискурс удаляет через интервенцию другой [Йоргенсен, Филиппс 2008: 90—94]. При этом важно учи-

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-14-55001 «Лингвистика на службе гражданского общества: инновационные подходы в лингвистических исследованиях социальных процессов в Омской области».

© Иссерс О. С., Ганеева Д. А., 2013

тывать, что носители языка могут принимать или отвергать какие-либо значения даже тогда, когда они не осознают идеологической сущности своей практики. Как отмечал Н. Фэркло, «субъекты позиционированы идеологически, но они также способны действовать креативно, создавая свои собственные связи между разнообразными практиками и идеологиями, действию которых они подвергаются, а также преобразовывать эти практики и структуры» [Fairclough 1992: 9].

Борьба дискурсов разворачивается вокруг идей, которые становятся своеобразными символами Добра и Зла, фокусирующими наиболее актуальные для общественной жизни проблемы. Вокруг них формируются не только дискуссионные, проблемные, но и дискурсивные поля. Меняющиеся на наших глазах речевые практики (или «способы говорения»), в свою очередь, отражают процессы индивидуального и массового сознания.

В этом смысле показательным представляется анализ конкурирующих в общественно-политической жизни России дискурсов — власти и оппозиции. Поскольку критическая лингвистика ставит своей целью объяснить причины выбора и создания конкретной «вербальной упаковки» для конкретного содержания, лингвистический инструментарий дает возможность глубинного анализа процессов развития гражданского общества в России. Это вызвано тем, что формирование общественного сознания осуществляется преимущественно с помощью языковых средств, что обусловлено спецификой доминирующих каналов коммуникации в современном обществе.

Непременным условием существования гражданского общества является учет мнения оппозиционной власти меньшинства [Якобсон 2008; Филина 2013]. «Голос оппозиции» демонстрирует иную — по сравнению с официальной — систему значений и смыслов, иную интерпретацию событий и фактов и, следовательно, обнаруживает попытки построения общественного диалога. Наша задача — проследить, какие дискурсивные элементы «артикулируются» по-новому, как в современном русскоязычном дискурсе идет борьба относительно их значения, какие лексические новообразования отражают «текущий момент».

В рамках данной работы представлены наблюдения за функционированием лексики *диалог*, вариантами определения *оппозиции* (*системная vs. несистемная* — *вне-системная* — *бессистемная*) и обозначениями субъектов протестного движения (*креативный класс*). На наш взгляд, эти

языковые единицы достаточно показательны в плане «борьбы дискурсов».

Материал исследования взят из двух источников. Первый — публикации в СМИ, связанные с митинговой активностью конца 2011 — первой половины 2012 г. Митинги протестного электората Москвы и крупных городов, проходившие в 2011—2012 гг. в период думской и президентской выборных кампаний, сформировали не только основные информационные поводы, но и своеобразный способ говорения — «дискурс оппозиции», а также «разговоры об оппозиции». В качестве источника для наблюдения были выбраны статьи за указанный период журнала «Огонек» (ИД «Коммерсант»), занимающего в спектре современных российских СМИ умеренно либеральную позицию.

Другим источником для анализа стали сообщения в блогах, поскольку в «новых» медиа нередко рождаются и шлифуются современные социальные и языковые феномены. Недаром в конце 2009 г. в ряде программных выступлений госсекретарь США Х. Клинтон провозгласила эру «Гражданского общества версии 2.0» (Civil Society 2.0), в котором неисчислимые дезинтегрированные, выстроенные по сетевым принципам автономные сообщества солидарных членов, вооруженные цифровыми технологиями, эффективно устанавливают собственные правила жизни, **разрушая государственную монополию на власть, информацию и воспитание граждан** (выделено нами. — О. И., Д. Г.) [Тукмаков 2013: 3].

В источниковую базу вошли примеры из современной российской блогосферы (портал радиостанции «Эхо Москвы», социальная сеть «Макспарк» (<http://maxpark.com>) и «Живой журнал» — «LiveJournal»). Источники примеров с порталов «Эхо Москвы» и «Махпарк» авторизированы. Поскольку многие авторы «Живого журнала» выступают анонимно (под никами), примеры в таких случаях атрибутируются с помощью аббревиатуры «ЖЖ». Выбор блогов радиостанции «Эхо Москвы» и «Махпарк» объясняется тем, что проблематика гражданского общества является в них одной из ключевых и, следовательно, частотность языковых единиц, связанных с данным понятием, там достаточно высока.

Исходной методологической посылкой исследования является концепция «ключевых слов». Суть ее заключается в том, что некоторые лексические единицы можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, поскольку они являются «вершинами» концептов, маркерами мировоззрения, системы ценностей (*власть, на-*

род, оппозиция, социальная справедливость, общественный диалог, компромисс, общественный контроль и др.). Применительно к общественно-политическому дискурсу Т. В. Шмелева в начале 1990-х гг. назвала их **ключевыми словами текущего момента** [Шмелева 1993]. Господствуя в понятийно-лексическом поле текстов СМИ, они выполняют роль ключа для целой группы связанных с ними идей и понятий. Признаки данной группы слов: 1) высокая частотность, в том числе использование в заголовочных комплексах и рубриках; 2) словообразовательный потенциал (активное использование для образования новых слов); 3) языковая рефлексия; 4) текстогенность [Шмелева 2009]. Совокупность ключевых слов создает своеобразный портрет эпохи: так, к ключевым словам текущего момента конца первого десятилетия XXI в. можно отнести слова *инновационное развитие, модернизация, мировой кризис, нацпроекты, материнский капитал, нанотехнологии, тандем* и др.

Для целей нашего исследования важно учитывать, что использование ключевых слов в дискурсе задает рамку интерпретации идеологической, этической, гражданской позиции. Динамика ключевых слов (включая конкуренцию их значений в различных текстах), с одной стороны, значимая дискурсивная характеристика, с другой — существенный показатель социальных сдвигов.

В поисках диалога

В общественных дискуссиях последних лет к ключевым словам, на наш взгляд, можно отнести лексему **диалог**, которая регулярно встречается в контексте с другими ключевыми единицами — *власть, оппозиция, общество, компромисс*.

Сравнение ее контекстного употребления со словарными дефинициями позволяет обнаружить актуализированные семы и новые коннотации.

Диалог — 1) разговор между двумя или несколькими лицами; 2) часть литературного произведения, представляющая собой разговор двух лиц; **3) переговоры, контакты между двумя партиями**; 4) о технически грамотной постановке человеком заданий для компьютера и получении от нее нужных результатов [Большой толковый словарь 2009].

Диалог — 1) разговор между двумя или несколькими лицами; **2) переговоры, свободный обмен мнениями между двумя сторонами, странами** [Современный словарь иностранных слов 1993].

Как показывают лексикографические источники, значение 'переговоры, обмен мнени-

ниями' не является новым, однако современное словоупотребление демонстрирует усиление идеологического смысла указанной лексемы. Так, на запрос «*общественный диалог*» Google в июле 2013 г. выдает почти 5 млн ссылок. «*Постоянный диалог с обществом*» приобретает значение ключевого символа в риторике государственной власти:

*Власть, на практике убедившись, что московских хомяков добром в нору не загонишь, стоит на развилке: ужесточать ситуацию либо нащупывать компромисс. Прямых репрессий никто не хочет (желающих сидеть в одном вольере с Лукашенко под табличкой „последний диктатор Европы“ нет). Значит, скорее всего, политика будет двуслойной. С одной стороны, будут рассказывать о „безусловной ценности эволюционного и поступательного развития“, „накопленном потенциале стабильности“, „постоянном диалоге с обществом“. С другой, в индивидуальном порядке **разбираться с оппозиционерами**. Потому что есть еще и Страсбургский суд. <...> Массовые митинги и **массовый контроль** волонтеров вынуждают **власть** аккуратно вести себя по двум направлениям... [Орешкин 2012: 11].*

Частотные коллокации лексем (в приведенном выше фрагменте — *диалог, компромисс и власть, оппозиционеры*) отражают новые общественно-политические реалии: власть не может игнорировать наличие иного мнения и вынуждена реально, а не на словах выстраивать **общественный диалог**.

Диалог с обществом предполагает учет мнения меньшинства. В этом аспекте интересно интервью историка и социолога Олега Будницкого (журналист «Огонька» Ольга Филина обозначена буквой «Ж», интервьюируемый — инициалами «О. Б.»):

Ж.: *То есть договорной традиции, традиции компромисса ни в обществе, ни во власти нет?*

О. Б.: *Были люди в нашей истории, которые понимали демократию не так прямолинейно, доказывая, что она стоит на страже интересов меньшинства, а не только большинства. <...>*

Ж.: *Сегодня, когда все силы брошены на то, чтобы сплотить общество, а меньшинства продолжают восприниматься как нечто „раскачивающее лодку“, подобные идеи кому-то нужны?*

О. Б.: *<...> Если у оппозиции нет шанса быть услышанной, у общества нет механизма самоконтроля — и лодка рискует опрокинуться [Филина 2013: 15].*

Как показывает материал, проблемы полноценной коммуникации и четкой «артикуляции» своей позиции являются едва ли не главными во взаимоотношениях власти и оппозиции. Именно поэтому обсуждение различных аспектов диалогического взаимодействия находится в фокусе политических дискуссий.

Власть не хочет диалога под тем предлогом, что разговаривать не с кем и не о чем. Но это ошибка. Да, в отличие от власти, у оппозиции нет единого лидера. Но оппозиция все равно так или иначе представляет недовольство огромной группы населения. Эти настроения могут быть скрыты до поры до времени. Возможно, сами люди не могут их сформулировать. Возможно, даже лидеры оппозиции не могут достаточно четко их сформулировать. Но если их отодвинуть локтем в сторону, то можно дождаться ситуации, когда вся эта масса, так ничего и не сформулировав, выйдет на поверхность и поперет клином. И вот с ними разговаривать уже будет действительно сложно [Сванидзе 2012].

В дискурсе о гражданском обществе обращает на себя внимание частотность глаголов и субстантивов со значением речи (*разговаривать, говорить, слышать, собеседник*) — яркий показатель актуальности полноценной, не односторонней, а двусторонней общественной коммуникации, **диалога**: *Новость прошедшего года, как мне кажется, состоит в том, что все больше сограждан начинают понимать, что говорить все-таки есть о чем. В том числе с далеко не идеальными политиками оппозиции. <...> Не факт, что у оппозиционного пустого места скелетов в шкафу больше, чем у противоположной стороны, которая сначала выжигает „пустое место“, а потом сетует на отсутствие достойного собеседника* [Орешкин 2012: 14].

Публичный **диалог** предполагает возможность конкурирующих интерпретаций, **поиск наиболее точной дефиниции** общественно значимых понятий. Показателем конкуренции являются эксплицированные вопросы метакоммуникативного характера, смысл которых касается выбора слова («Почему вы это так называете?»; «Почему вы выбрали именно это слово для обозначения данного содержания?»): *Партия власти цинично заявляет, что она открыта к диалогу. Но в чем заключается эта открытость? Разве властные чиновники всерьез обсуждают обозначенные проблемы? Разве проводятся какие-то действия, свидетельствующие, что власть готова*

идти на необходимые реформы? Я не вижу. Что они называют диалогом? Что время от времени какого-нибудь наиболее мягкого представителя оппозиции приглашают в какую-нибудь телепередачу и выставляют против пятерых участников, отстаивающих позицию Кремля? [Сванидзе 2012].

Наблюдения за функционированием лексемы **диалог** в общественной дискуссии явно свидетельствуют о смещении одного из зафиксированных в словарях значений («переговоры, обмен мнениями») в сторону актуализации «политического» компонента его семантики, связанного с признанием самой возможности и необходимости разговора власти с оппонентом, восприятия его в качестве «достойного собеседника».

КАКАЯ БЫВАЕТ ОППОЗИЦИЯ?

К проявлениям публичной дискуссии следует отнести и **спор о номинациях**. Известное высказывание Р. Блакара о том, что, «произнося одно-единственное слово, говорящий вынужден занять позицию», имеет непосредственное отношение к идеологизированному дискурсу [Блакар 1987]. Проблема формирования гражданского общества в России тесно связана с конкуренцией разных моделей устройства социальной жизни и государственной власти. Поэтому выбор номинации и обсуждение этого выбора являются яркими показателями конкурирующих интерпретаций. Т. В. Шмелева отмечает, что «ключевые слова текущего момента» становятся объектом активной и массовой **языковой рефлексии**, появляется масса дефиниций — высказываний типа *X — это...* или *X — это не...* [Шмелева 2009: 63].

Примером может быть обсуждение такого обозначения российской модели общественного устройства, как **суверенная демократия** (авторство номинации приписывают В. Суркову, экс-главе кремлевской администрации). Это яркий пример борьбы за «правильное» обозначение.

Собственно так и развивается реальная, а не суверенная демократия. <...> Бесценный опыт суверенной демократии. Если ведешь себя правильно, занимаешь активную жизненную позицию на ТВ-экране, то давай, гребь со своих корпоративных мальчишников столько экономического суверенитета, сколько сможешь унести. А вот если дуришь и позиция твоя неправильная, то, прости уж, dura lex... [Орешкин 2012: 12].

С точки зрения «борьбы дискурсов» значимым является употребление номинаций «системная» vs. «внесистемная» оппози-

ция, а также варьирование характеристик оппозиции: *антисистемная, внесистемная, несистемная, бессистемная* (см., в частности: [Болдырев 2013; Большаков 2011; Становая 2012; Филина 2012]). Как видно из этого отнюдь не синонимического ряда, в языке отражается стремление отойти от терминологического обозначения политических феноменов и заменить его оценочными номинациями (об экспрессивности как существенной дискурсивной характеристике политической коммуникации см., в частности: [Чудинов 2012]). В этом легко убедиться, сравнив научное понятие «антисистемной оппозиции», теоретически обоснованное в работе социолога Дж. Сартори, с трактовками, распространенными в блогосфере: *Антисистемные партии имеют ценности и идеологию, диаметрально противоположные ценностям и идеологии, господствующим в политической системе. Главное отличие антисистемной оппозиции от иных ее типов — не в радикальности методов политической борьбы, а в наличии максимальной идеологической дистанции. Примеры антисистемной оппозиции в демократической системе — коммунистические и фашистские партии* [Цит. по: Большаков 2011: 110].

В современной политической коммуникации, говоря о вне- и несистемной оппозиции в России, имеют в виду то, что она оппонирует некой системе, но в качестве таковой называют что угодно: «систему власти», «государственную систему», «систему общественных отношений», «систему Ельцина/Путина/Медведева» и т. д. При этом обозначение оппозиции как «системной» обретает в риторике власти, а вслед за ней и в массовом сознании положительные коннотации — в противовес «несистемной».

Надо быть не просто буйным, надо быть еще и системным. У оппозиционеров вроде Навального нет ни идеологии, ни концепции развития страны, есть только желание разрушить существующее. <...> К бессистемной оппозиции нельзя относиться серьезно [ЖЖ].

Блогеры обращают внимание на сходство политических стратегий *системной* и *несистемной* оппозиции, снимая актуальные семантические противопоставления той и другой: *В связи с этим и „несистемная оппозиция“ использует те же приемы политических манипуляций. Она вместо того, что создавать нормальную партию, с нормальной политической программой, пытается создать некую „широкую общественную коалицию“, куда включить всех недовольных, от Лимонова с Удальцовым,*

до Немцова с Касьяновым. Громко и не переставая кричит „Путин — уходи“, потому что, если перестать кричать это, становится очевидно, что договориться Касьянову с Лимоновым — просто невозможно. Выдвигает на первые роли писателей, телеведущих, журналистов, артистов, клоунов, певцов — кого угодно, пытаясь играть в „гражданское общество“, и старательно избегая честной политической роли, понимая, что это сразу же приведет к падению популярности [Калинов 2013].

Крайне отрицательные коннотации в обозначении *оппозиции* как «внесистемной» в некоторых текстах обнаруживают развернутую мотивацию.

Болотная трагикомедия

Внесистемная оппозиция, которая и раньше напоминала Ноев ковчег, забитый до отказа политическими карликами, троллями и сумасшедшими, теперь стала принимать очертания Атлантиды, уходящей под воду. Вся романтика протеста, еще совсем недавно продувавшая неокрепшие мозги креативного класса, была цинично размыта и слита в нечистоты маргинального дискурса [ЖЖ].

Критика *системной оппозиции* крайне редка: исключения лишь подтверждают правило.

Просто удивительно, как мало людей понимает, что системная оппозиция есть часть самой системы. И что она совершенно необходима для сохранения системы. И что слабая системная оппозиция даже вредна системе, поскольку не дает нужного сопротивления, чтобы, преодолевая его, система крепла [ЖЖ].

Таким образом, атрибуция *оппозиции* как «несистемной», «внесистемной» и «бессистемной» в политической риторике современной России носит не терминологический, а идеологизированный характер, определяемый как борьбой идей, так и борьбой дискурсов.

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС: КТО ВСЕ ЭТИ ЛЮДИ?

Еще одним маркером конкуренции в борьбе за влияние на массовое сознание является словосочетание *креативный класс*. Оно заимствовано из английского относительно недавно, где «creative class» имеет значение «люди творческих профессий», «творческая интеллигенция». Его терминологическое употребление связано с работой американского экономиста Ричарда Флорида «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [Флорида 2005]. По мысли автора, креативный класс выступает *преобразователем капитализма*. «Ядро креатив-

ного класса составляют люди, занятые в научной сфере и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания» [Флорида 2005: 5]. Как следует из определения, креативный класс — это не столько профессиональная характеристика, сколько характеристика роли, осуществляемой в обществе. Помимо ядра, **креативный класс** включает также обширную группу креативных специалистов, работающих в бизнесе и финансах, праве, здравоохранении и смежных областях деятельности.

Российские провластные СМИ, записавшие новое понятие в свой словарь, в основном приписывают к **креативному классу** «офисных хомячков», «офисный планктон», что существенно искажает смысл понятия. В целом в обществе формируется иное отношение к креативному классу, не совпадающее с идентификацией его членов как «людей творческих профессий».

Активным «пользователем» данного термина стала Тина Канделаки — журналист, продюсер, участник протестных движений. В феврале 2012 г. на встрече со студентами МГУ она так характеризовала роль **креативного класса**: *«Сегодня мы стоим на пороге перемен. В России сформировался новый креативный класс. Он появился благодаря экономическому росту, стабильности, информационной открытости и свободным границам. Именно благодаря ему родилась Болотная и начало формироваться гражданское общество, готовое отстаивать свои интересы»* (выделено нами. — О. И., Д. Г.). *«Впервые за полтора века люди вышли на улицы не из-за голода, а за уважение к себе и чувство собственного достоинства. Общественное пространство вновь наполнилось дискуссиями и острой полемикой»* [Канделаки 2013].

Российский журналист, шеф-редактор объединенной компании «Рамблер-Афиша» Юрий Сапрыкин предлагает относить к **креативному классу** работников «креативных индустрий». Последние включают рекламу, маркетинг, дизайн, фотографию, современное искусство — все индустрии, способные «ярко и интересно упаковать» товар, услугу или территорию, которые сложно продать «обычным способом». На открытой встрече, организованной ресурсом «Open Space», он заметил: *«Если понимать термин таким образом, то никакого креативного класса в России, конечно, нет»* [Сапрыкин, Мальцев и др. 2012]. По мнению оратора, причиной тому являются запросы

рынка, объективное состояние экономики. Ю. Сапрыкин объясняет, почему в силу ряда факторов **наклейка «креативный класс» на участниках протестного движения удобна правительству**. С одной стороны, данное понятие комплиментарно, оно словно говорит о новой интеллигенции, образованных горожанах. С другой стороны, этот термин имплицитно предъявляет участникам протестного движения некоторые требования, соответствовать которым они не могут: *«Назвав вышедших на митинги горожан „креативным классом“, мы сформировали пакет ожиданий. Но этого класса не существует в России. У горожан, только начавших выражать свою политическую позицию, нет ресурса, чтобы „накреативить“ программу спасения России. Более того, насмешливое понятие „креативный класс“ провело черту между „асоциальными элементами с Болотной“ и основной массой населения страны»* [Там же].

Однако, несмотря на то что термин **креативный класс**, по мнению многих, «надуманный и абсолютный пропагандистский», он продолжает активно использоваться для обозначения тех, кто вышел на улицы или в блоги именно на волне протестных настроений. На материале блогосферы можно проследить, как изменилось восприятие понятия «креативный класс» с весны 2012 г. до сегодняшнего момента.

Блоги на сайте «Эхо Москвы» отражают широкий спектр политических воззрений: среди их авторов встречаются провластные журналисты, радикальные оппозиционеры, представители либеральной оппозиции; площадка предоставляет возможность размещения различным людям от профессиональных политиков до слушателей «Эха» с далекими от политики профессиями. Таким образом, площадка блогов на сайте позволяет осуществить обзор разнообразнейших мнений об актуальных событиях.

Выборка текстов проводилась по ключевым словам — значениям концептуальной переменной. Анализировались материалы, опубликованные весной 2012 г. (1.03.12. — 1.06.12) и весной 2013 г. (1.03.13. — 19.05.13). Интерес к первому периоду связан с тем, что это время всплесков протестной активности в 2012 г. («белые» митинги 5 и 10 марта, несостоявшийся митинг на Большой Якиманке и Болотной площади 6 мая, серия акций «Оккупай», «Прогулка с писателями» 13 мая). С целью отметить изменения в отношении к **креативному классу**, произошедшие за год, выбраны весенние месяцы 2013 г. («Марш за права москвичей» 2 марта, митинг в защиту политзаключенных по «Болотному делу» 6 мая).

Концептуальной переменной нашего анализа выступает категория **креативный класс**, которая в текстах имеет следующие репрезентанты: *креативный класс, творческий класс*. Было проанализировано более 50 записей в блогах за март — май 2012 г. и март — май 2013 г. (приблизительно в равных пропорциях). (Документация примеров включает фамилию и некоторые социально-профессиональные характеристики как релевантные для анализа. Ссылки на соответствующие блоги приводятся в списке источников.) Анализ актуальных контекстов позволяет определить основные семантические поля дискурса о креативном классе.

В 2012 г. с **креативным классом** связаны *ожидания*. Понятие охватывает разрозненных участников протестного движения, формируя к ним отношение как к уже существующему классу, способному на организованные действия: *Конечно же, креативный класс, хоть и дурацкое название — общность, от которой мы ждем модернизации, перестройки, нововведений, изобретений, нестандартных решений. Иногда эти решения таковы, что лучше бы их и не было, но в них — перспектива. Креативный класс по определению не может быть приверженцем стабильности ... тем более той, что близка к стагнации* (Влад Фельдман, философ).

Противостояние **креативного класса** власти определяет возможность насильственных действий над «рассерженными горожанами».

Я очень не хочу гражданской войны. Я не хочу крови и того, что тех самых „рассерженных горожан“ и „креативный средний класс“, тех людей, с кем я себя ассоциирую, первыми же прижмут и начнут выдавливать ультралевой политикой из нашей страны. После вчерашнего марша мне стало очевидно, что единственный способ избежать нарастания радикализации — это перестройка (Ксения Собчак, журналист, телеведущая).

В посте экскурсовода из Москвы, участника протестных движений, мы видим взгляд на **креативный класс** человека, который и сам себя к нему относит. По его мнению, это **интеллигентные люди, не подверженные радикализму**, пользователи социальной сети «Facebook», объединенные стремлением к сознательной гражданской позиции: *Там уже была пара человек. Автобус набили быстро, до 16 человек, после чего он отъехал на сотню метров, на площадь Революции. Оттуда мы поехали в ОВД. Народ в автобусе оказался отборный — наблюдатели, интеллигенция, люди*

с Болотной и Сахарова. Ни одного экстремиста, нацбола или националиста, всё сплошь либеральный „креативный класс“ с белыми лентами. Мы тут же создали в facebook группу „Белый автозак“, обменялись контактами, и договорились действовать сообща и держаться вместе. Так образовалась еще одна ячейка гражданского общества (Александр Мысленков, экскурсовод).

Мирный характер протеста, отсутствие революционных требований — яркая примета **креативного класса**: *Русский народ по своей сути радикален. Именно он был на митингах, а не пресловутый креативный класс (выражение, которое в контексте митингов впервые употребила Тина Канделаки). Попытка объединить народ во имя отвлеченных и далеко идущих целей, на мой взгляд, приведет к окончательному спаду протестной активности граждан* (Андрей Акцынов, общественный деятель).

Для уяснения сущности понятия, ставшего ключевым в период митинговой активности 2011—2012 гг., важна атрибуция действий, приписываемых креативному классу. Способность его решать практические задачи — лакмусовая бумажка, определяющая отношение к данному актору политической сцены: *Однако уже после митинга на Сахарова у меня было стойкое ощущение, что мы теряем время и занимаемся не тем. Что митинги — это прекрасно, но должна быть какая-то практическая задача. Говорят, что на улицы выходит креативный класс. Креативный, понимаете. В большинстве своем это люди, которые привыкли действовать. Которые потому и добились чего-то в жизни, что не сидели сложа руки и не ограничивались болтовней* (Антон Орех, обозреватель).

Как можно видеть, уже весной 2012 г. наблюдается некоторое разочарование в действиях протестующих, однако сохраняется позитивное восприятие **креативного класса**: *«это люди, которые <...> не сидели сложа руки и не ограничивались болтовней»*.

В марте — мае 2013 г. идентификация **креативного класса** несколько меняется: наиболее значимыми в этом плане становятся его характеристики как субъекта гражданского общества. В частности, его рассматривают как наиболее ценный сегмент протестного электората, заинтересованный в инновационном развитии страны: *...именно вокруг него мог бы сплотиться „протестный“ электорат, причем, не какой-то „маргинальный“, уличный, а самый „ценный“ — так называемые „недовольные горожане“*,

„креативный класс“ и т. п., заинтересованные в „инновациях“ и современных рабочих местах (Юрий Болдырев, политик).

В политической палитре **креативный класс** обозначен как одна из двух сил, противостоящих «путинскому режиму»: С обобщенной точки зрения, наиболее, кстати говоря, востребованной оппозицией, в **конфликте с путинским режимом противостоят две силы: автократия (феодализм, продажные чиновники, депутаты и олигархи) и демократия (либеральный здравый смысл и так называемый креативный класс)**. Предполагается, как любит повторять, например, Андрей Пионтковский: *мы не против Путина как царя, мы против того, чтобы существовал сам царский трон* (Михаил Берг, писатель).

Показательно, что «либеральный здравый смысл» и **креативный класс** рассматриваются как две стороны одной — «демократической» — медали.

По параметру зависимости от власти **креативный класс** противопоставлен представителям судебной-правовой сферы. Подразумевается, что, в отличие от последних, это люди независимые, способные принимать самостоятельные решения, готовые лишиться «теплого места» в борьбе за свою правду: *Полагаю, что они (судьи и прокуроры. — О. И., Д. Г.) люди подневольные, зависимые, не имеющие права на самостоятельные, „независимые“ решения. У них есть дети, семья, карьера. Им не хочется в отставку или на пенсию. Мы „креативный класс“, они — нет. Будьте милосердны к судьбе и прокурору!* (Борис Спасенников, профессор).

Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы», на встрече со студентами Поволжского института управления им. П. А. Столыпина предлагает актуальную дефиницию категории в аспекте социальной активности по улучшению городской среды обитания, отказывая **креативному классу** в способности сформулировать «альтернативную повестку дня»: *Когда в декабре 2012 года у людей украли голоса, они потребовали свое обратно и „долой воров“. После этого креативный, самостоятельный, городской класс потребовал уважения к себе и выполнения обязательств: искоренить пробки, починить дороги, разобраться с налогами. Но проблема в том, что нет альтернативной повестки дня — ни у правительства, ни у оппозиции.*

«Урбанистическая» привязка понятия подтверждается во многих текстах блогеров: *Разнообразие города — социокультурное, архитектурное, природное — крайне важ-*

ный аспект городской жизни и как раз то, что ищет тот самый „креативный класс“, за который всеми силами и даже самыми радикальными решениями (отчасти и тем же сносом трущоб) борются города (Александра Симонова, блог передачи «Город от ума»).

Особенностью политического дискурса 2013 г. являются поиски более точного определения понятия — как в идеологическом, социологическом аспекте, так и в собственно лингвистическом. В частности, формируется новая семантическая оппозиция: ведомый **креативный класс** — лидеры протестного движения.

Граждане не хотели „лезть в политику“, они просто выражали свою гражданскую позицию, кто там выступает на митинге — их не особо волновало. Куда, как и с чем идти, за них решал некий самозванный кружок из либеральных журналистов, блогеров и несмелых общественных деятелей, а не демократически сформированный орган или смелые протестные лидеры. Они сами себя навязали в качестве главных людей, будучи совершенно не готовыми к этой роли. „Креативный класс“ много говорил о самоорганизации, о демократии в протесте, но добровольно и с радостью доверился людям, заведшим поезд протеста в тупик, не родив ничего стоящего и долговечного (Юрий Староверов, журналист).

При этом интересно отметить, что либеральные журналисты и блогеры, которые обычно представляются частью **креативного класса**, здесь ему противопоставлены как «самозванный кружок общественных деятелей», заведших протестное движение в тупик.

Другое наполнение понятия встречаем в риторике национал-большевиков и их лидера Эдуарда Лимонова. Там **креативный класс** рассматривается как представляющий общую с российской властью стратегию «либеральной диктатуры»: *Иного не дано, только левое восстание против неравенства, за справедливое распределение национальных богатств может привлечь массы. Нашей программе противостоит старый грабительский миф о рыночной экономике, общий для либеральной диктатуры Путина и для рвущихся сменить его белоленточников. Разница лишь в том, что креативный класс добавляет в свои визги немалую толику морализаторской демагогии. Обещают то же социальное неравенство с олигархами, но якобы не будет произвола и коррупции* (Эдуард Лимонов, писатель, политик).

В полемически заостренном высказывании Эдуарда Лимонова обращает на себя

внимание характеристика **креативного класса** как склонного к «морализаторской демагогии», но не способного к действию.

Еще один существенный сдвиг в интерпретации понятия наблюдаем в блоге А. Хоменко, в котором автор отвечает на агрессивные комментарии представителей патриотического движения «Наши» (по поводу так называемых **белоленточников** — участников протестных акций). «**Креативный класс белоленточных хомяков**» рассматривается здесь как находящийся по одну сторону баррикад с налогоплательщиками и рабочим классом. По другую сторону находятся «ленточные комментаторы», занимающиеся оплаченным «патриотизмом по Интернету». Автор не называет тех, кто платит за это, но имплицитный смысл такой фигуры умолчания легко угадывается: *Первое: За чей счет банкет? „Комментаторы“, вашу „бурную деятельность“ оплачивают законопослушные налогоплательщики, в том числе и креативный класс „белоленточных хомяков“.* При этом их обычно не спрашивают, хотя ли они платят бездельникам или нет. В природе это называется паразитизм. Так что в следующий раз, поливая грязью рабочий класс и „белоленточников“, вспоминайте, за чей счет был куплен ваш iPhone. Не стоит так желать устранения „белоленточных“, так как при гибели хозяина, как правило, гибнут и паразиты. При контроле бюджета все „ленточные комментаторы“ канут в лету, потому как никто из них „патриотизмом по интернету“ бесплатно не занимается (Антон Хоменко, блогер).

Оппозиция **«креативный класс и рабочие vs. нацисты** и другие провластные движения» выглядит достаточно ново.

Показательно, что в 2013 г. активизируется метаязыковая рефлексия по поводу рассматриваемой номинации: *В последнее время получило распространение выражение „креативный класс“.* Так, вслед за американским экономистом Ричардом Флоридой называют **продвинутой частью работников постиндустриальной экономики.** Именно они творят и выдумывают, модернизируют, инновировать, толкают и продвигают. У нас почему-то часто понятие **креативного класса путают с так называемой либеральной оппозицией, или даже, извините за выражение, с хипстерами.** Это далеко от действительности. **На самом деле самый креативный класс современной России — это чиновники в широком понимании этого слова.** Именно от них исходит в последнее время наибольшее количество замечательных идей на вечную тему

„как нам обустроить Россию?“ (Алексей Саватюгин, профессор ВШЭ).

Саркастическое обсуждение обоснованности референции — свидетельство размытия понятия **креативного класса**, в частности его оппозиционной сущности.

Подтверждает это мнение эколога и активного участника гражданских акций Е. Васильевой, акцентирующей внимание на нравственном аспекте протеста и гражданской активности представителей **креативного класса: При этом в России всё-таки сформировались зачатки гражданского общества — это люди неравнодушные, научившиеся взаимодействовать. Это интеллигенция, или так называемый „креативный класс“ (который на самом деле, конечно, никакой не „креативный“ и не „класс“).** Их протест происходит от самоуважения и носит преимущественно нравственный характер. Они пришли на „Марш против подлецов“, но их мало заинтересовал марш социальный. В этих условиях, на мой взгляд, было бы разумней заниматься самоорганизацией и объединением именно этой части общества, избегая идеологических противоречий. Тогда, поверьте, именно гражданское общество встанет в авангарде российского протеста и будет готово к любому развитию событий (Елена Васильева, политик, эксперт-эколог).

Анализ ключевых слов позволяет обнаружить лексико-семантические поля дискурса о **креативном классе.** Основными в 2012 г. являются поля «протест» и «перспектива». Они имеют следующие лексические маркеры:

- семантическое поле «протест»: *рассерженные горожане, радикализация, автозак, протест, протестный, протестовать, митинговать, негодование, злость, оппозиционный, несогласованный, митинг, выдвигать, прижать, выражать (отношение), протестная активность, Болотная, Сахарова, белая лента, белоленточники;*

- семантическое поле «перспектива»: *модернизация, перестройка, нововведения, решения, задачи, движение, план, лидер, выдвигать, планировать, действовать, гражданское общество, перспективный, видеть перспективу.*

За год основные лексико-семантические поля несколько изменились, тексты весны 2013 г. демонстрируют следующее:

- семантическое поле «альтернатива режиму Путина»: *альтернатива, альтернативная повестка дня, оппозиция, самоуважение, независимый, свободный, добровольный, либеральный, противостоять,*

сменить, достигать, гражданская позиция, независимые решения;

- семантическое поле «бессмысленность оппозиции»: *малоосуществимый, бесполезный, морализаторская демагогия, хипстер, хомяк, белоленточный хомяк;*

- семантическое поле «гражданские инициативы»: *самоорганизация, взаимодействие, городские активисты, налогоплательщики.*

На основе анализа текстов блогов на площадке «Эхо Москвы» за весенние месяцы 2012 и 2013 гг. мы можем сделать следующие выводы.

В апреле — мае 2012 г., несмотря на снижение протестной активности, понятие «креативный класс» все еще широко использовалось как синоним для обозначения участников протестного движения. Вряд ли журналист, пишущий о политической ситуации в стране, мог обойтись в своем тексте без упоминания **креативного класса**. В блогах предлагаются варианты определения, осуществляются попытки анализа, встречаются иронические замечания и полные веры лозунги. С одной стороны, к новому обозначению для протестующих доброжелательно относятся либеральные общественные деятели, блогеры. Кажется, комплиментарный термин может объединить тех самых равнодушных *рассерженных горожан*. С другой стороны, понятие активно используется провластными СМИ, так называемой сурковской пропагандой. Словосочетание **креативный класс** употребляется в ироническом контексте, звучат вопросы: «Если вы такие креативные, то почему до сих пор лишь болтаете в интернетах да ходите по улицам без смысла?» Однако наиболее частотные модели сочетаемости ключевого слова в контекстах демонстрируют связь **креативного класса** с протестом, движением части россиян к осознанной гражданской позиции и надеждой на возможность решения социально-политического конфликта в стране. Спустя год, не принесший каких-либо значимых достижений на этом поле, представление о **креативном классе** несколько изменяется. Во-первых, мы находим достаточно устоявшееся определение: **креативный класс** — это люди, проживающие в городах, осознанно выражающие гражданскую позицию, требующие соблюдения прав, обладающие определенным уровнем образования и материальным положением. Во-вторых, понятие чаще звучит в негативном контексте. **Креативный класс** предстает сообществом, не оправдавшим ожиданий, не воспользовавшимся благоприятной ситуацией для реальных дел,

в образе «морализатора с чистыми руками». В то же время в текстах актуализируется семантическое поле «альтернатива режиму Путина»: **креативный класс** представляется единственной на данный момент альтернативой политическим деятелям — либо уже бывшим у власти (Немцов, Чубайс), либо сейчас находящимся у нее.

Протестное движение 2011—2013 гг. получило широкий общественный резонанс. «Идея о том, что наше — мое и твоё — повседневное использование языка... предполагает осуществление господства, то есть влияние на восприятие мира и его структурирование собеседником — эта идея может показаться одновременно неожиданной и многообещающей», — писал Р. Блакар почти четверть века назад [Блакар 1987]. Пишущий в Интернете имеет в качестве собеседника не сотни, а сотни тысяч людей. Набирая тексты в блогах, подчас непреднамеренно выражая скрытые помыслы и оценки, участники, сторонники и противники протестного движения формируют восприятие современной истории России и гражданского общества у тех, кто находится далеко от эпицентра событий. За один год у понятия **«креативный класс»** расширился спектр интерпретаций, включающих коннотации от «перспективный, протестный» до «бесплезный». Сегодня блогосфера говорит нам о спаде активности **креативного класса**: формирование гражданского общества не определяется по расписанию.

«Борьба дискурсов», проявляющаяся в конкуренции обозначений реалий политической жизни, подтверждает, что речевые практики не пассивно реагируют на социальные сдвиги, а активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе. Они способствуют тому, чтобы на смену доминированию одного дискурса пришло понимание права всех членов общества участвовать в формировании новых смыслов и идентичностей. В обществе вряд ли может быть достигнут окончательный консенсус относительно значения. На основе наблюдений за развитием новых прагматических значений, выбором номинаций из возможного ряда, освоением терминологических единиц политического словаря можно диагностировать попытки построения двустороннего и равноправного публичного диалога. Это дает надежду, что возможности социальной и языковой системы к развитию и совершенствованию послужат основой для построения общественного диалога и — как его следствие — социального согласия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М. : Прогресс, 1987. С. 88—125.
2. *Большаков И.* Несистемная оппозиция: терминологическая ошибка или политическая реальность // Свободная мысль. 2011. № 3. С. 109—118.
3. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — 2009.
4. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002.
5. *Йоргансен М. В., Филипс Л.* Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков, 2008.
6. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. — М., 1992.
7. *Современный словарь иностранных слов.* — М. : Рус. яз., 1993.
8. *Становая Т.* Партийное — значит системное. URL: <http://www.politcom.ru / 4365.html> (дата обращения: 20.04.2012).
9. *Тукмаков Д.* Восстание блогов, часть II: «Гражданское общество 2.0» вместо «Томагавков». URL: <http://file-ru.ru/analitics/54> (дата обращения: 03.03.2013).
10. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М. : Классика-XXI, 2005.
11. *Чудинов А. П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. Вып. 2 (40). С. 53—59.
12. *Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента. // *Colleqium*. 1993. № 1. С. 33—41.
13. *Шмелева Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). С. 63—67.

14. *Якобсон Л. И.* Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. — М. : Вершина, 2008.
15. *Fairclough N.* Discourse and Social Change. — Cambridge : Polity Press, 1992.

ИСТОЧНИКИ

16. *Болдырев Ю.* Выборы в Москве — это о чем? URL: <http://maxpark.com/user/17729/content/2116177> (дата обращения: 29.07.2013).
17. *Калинов А.* Первый нормальный политический ход Навального. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/alex040112/1046828-echo/> (дата обращения: 09.03.2013).
18. *Канделаки Т.* Образовательная революция // ЭХО Москвы : блоги. 2012. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/kandelaki/858394-echo/> (дата обращения: 21.05.2013).
19. *Орешкин Д.* Полезная площадь // Огонек. № 11. С. 11—13.
20. *Сапрыкин Ю., Мальцев И. и др.* Креативный класс в России: кто все эти люди? : стеногр. круглого стола // Colta.ru : сетевой журн. 2012. URL: <http://www.colta.ru/docs/4829> (дата обращения: 21.05.2013).
21. *Сванидзе Н.* 2012 — Кому нужен диалог с оппозицией. URL: <http://www.maxpark.com/user/3294380395> (дата обращения: 06.12.2012).
22. *Филина О.* «Мы самые демократичные в мире» // Огонек. 2013. № 14. С. 13—14.
23. *Филина О.* Бессистемная оппозиция // Огонек. 2012. № 11. С. 15—16.
24. *Шлыков В.* 2013 — Кто вы, либералы — истинные и мнимые. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/shlykovvladimir/1045828-echo/> (дата обращения: 04.05.2013).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов